

then be in my natural element, and if I were doomed to loneliness I should have comforts to which I am now a stranger [4, p. 416]. Материальное изобилие, финансовый успех и роскошь, окружающие его, не приносит счастье Дэвиду, а морально истощают его.

В своем последнем произведении автор использует английский язык, которому позавидуют его носители, для того чтобы продемонстрировать полную ассимиляцию персонажа. Каган демонстрирует идею о том, что евреи успешно могут жить вместе с американцами (“We can live alongside with you”) [2, p. 140].

Образ американских городов показывается как через перемещения и опыт мигрантов, так и через непосредственные описания городов их глазами. Основным местом жизни для еврейских мигрантов являлись отдельные районы, отражающие самобытность их стиля жизни. Американские города открывали много перспектив, которыми воспользовались еврейские эмигранты, но одновременно заставили отказаться от своего прошлого и навязали чуждый им образ жизни, в котором они не обязательно обретают счастье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутенина, Е. М. Мультикультурный роман США: учеб. пособие / Е. М. Бутенина. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 108 с.
2. Kent, A. A. African, Native, and Jewish American Literature and the Reshaping of Modernism / A. A. Kent. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. – 230 p.
3. Cahan, A. The Imported bridegroom and Other Stories / A. Cahan. – Boston : Houghton, Mifflin and Company, 1898. – 256 p.
4. Cahan, A. The Rise of David Levinsky / A. Cahan. – N. Y. : Penguin Books, 1993. – 421 p.

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА АФРИКИ У Э. ХЕМИНГУЭЯ И Ж.-М. Г. ЛЕКЛЕЗИО

О. Жилевич

Полесский государственный университет

В статье осуществляется сравнительный анализ изображения африканского материка в художественных произведениях Э. Хемингуэя и Ж.-М. Г. Леклезю, в которых отразились результаты их африканских наблюдений.

Африка – загадочный, сказочный континент, полный тайн и волшебства, но вместе с тем и реально существующий. Африка – колыбель человеческой цивилизации, она тысячелетиями вдохновляет писателей, художников, музыкантов, фотографов. Африканские земли притягивают «своими величе-

ственными реками и огромными горами, лесными чащами и безбрежными песчаными морями, своей безумной энергетикой, которая вырывается из-под земли и аккумулируется под каждым камнем», – отмечал А. Жид [1, с. 160].

Впервые в художественной литературе о черном континенте упоминается в конце XV века [2, с. 88]. Об Африке писали и продолжают писать авторы разных стран и эпох – К. Ф. Вольней, Ж. де Нерваль, М. Лейрис, А. Лондр, Г. де Мопассан, Т. Готье, А. Доде, Л. Бертран, М. Бютор, Дж. Свифт, Ж. Верн, А. Мишо, А. Лондр, П. Моран, А. Мальро, П. Лоти, А. Жид, Н. Гумилев, Э. Хемингуэй, Ж.-М. Г. Леклезьо и многие другие.

Закономерно, что среди писателей, обращавшихся к теме Африки в своем творчестве, многие являются лауреатами Нобелевской премии по литературе. Например, французский писатель А. Жид, автор африканских травелогов, был награжден в 1947 году за «за глубокие и художественно-выразительные произведения, в которых человеческие проблемы и обстоятельства представлены с бесстрашной любовью к истине и острым внутренним пониманием» [3, с. 85]. Американский автор Э. Хемингуэй, глубоко раскрывающий африканский тематику в своем творчестве, был удостоен Нобелевской премии по литературе в 1954 году за «повествовательное мастерство... Творчество – это в лучшем случае одиночество. Ведь писатель творит один, и, если он достаточно хороший писатель, ему приходится каждый день иметь дело с вечностью – или с ее отсутствием» [4]. Современного писателя Франции Ж.-М. Г. Леклезьо, написавшего ряд произведений, посвященных африканскому континенту, жюри Нобелевской премии (2009 год) отметило как «автора новых направлений, поэтических приключений и чувственного экстаза, исследователя сути человека за пределами господствующей цивилизации и внутри нее» [4].

Наиболее раннее изучение описания Африки в художественной литературе – это труд А.-Р. Лебея «Западная Африка во французской литературе» (1925) [5]. В то же самое время монография Н. Д. Ляховской «Образы Африки во французской литературе XIX–XX веков» [6] свидетельствует о непрекращающемся внимании ученых к африканским проблемам.

Цель настоящего исследования – сравнительный анализ изображения африканского материка в художественных произведениях Э. Хемингуэя («Зеленые холмы Африки», *Green hills of Africa* (1935), «У подножия Килиманджаро», *Under Kilimanjaro* (2005)) и Ж.-М. Г. Леклезьо («Онича», *Onitsha* (1991), «Африканец», *L'Africain* (2004)). Несмотря на разницу эстетических взглядов, их имена могут находиться рядом по причине влияния их африканских странствований на суждения изучаемых авторов; закономерностей формирования образа Африки в документальных и художественных текстах каждого из этих писателей-путешественников; отражения стереотипных явлений, встречающих как у Э. Хемингуэя, так и у Ж.-М. Г. Леклезьо по отношению к жителям Северной и Чёрной Африки в зеркале мировоззрения XX века.

Э. Хэмингуэй (1899–1961) и Ж.-М. Г. Леклезьо (1940) имеют много общих черт как писатели и как путешественники. Оба романиста с уважением относятся к культурам и обычаям африканцев. Оба поддерживали идею «цивилизаторской миссии» в Африке. Как для Э. Хемингуэя, так и для Ж.-М. Г. Леклезьо опыт африканских путешествий был важен для формирования их мировоззрения и художественно-эстетических особенностей творчества.

Оба писателя в раннем возрасте испытали влияние своих отцов в отношении любви к природе и путешествиям. Отец Э. Хемингуэя, заядлый охотник и рыбак, приучал его к охоте и рыбалке. В тридцатилетнем возрасте сбылась мечта писателя – он отправился в свое первое сафари в Восточную Африку. Отец Ж.-М. Г. Леклезьо, получив распределение после учебы врачом в Африку, уехал на континент незамедлительно и впоследствии забрал с собой и семью, включая своего сына – Жана-Мари.

Повесть Э. Хемингуэя «Зеленые холмы Африки» – автобиографическая, основанная на событиях первого путешествия автора на Чёрный континент. В изображении Африки американским писателем проявляются три образа:

- писатель-путешественник, детально рассказывающий в своих произведениях о том, что с ним случается;
- охотник, порой с безжалостным отношением к африканским животным;
- исследователь, интересующийся африканской культурой.

В произведении писатель показывает первозданность этого «дикого» континента, отмечая его как прекрасное место для охоты и рыбалки. Автор также размышляет о том, что происходит со странами, когда туда приходит белый человек: «С нашим появлением континенты быстро дряхлеют. Местный народ живет в ладу с ними. А чужеземцы разрушают все вокруг, рубят деревья, истощают водные источники, так что уменьшается приток воды, и в скором времени почва – поскольку травяной покров запахивают – начинает сохнуть, потом выветривается...» [7, с. 177]. В то же самое время романист сам является частью той цивилизации, которую обвиняет в гибели первозданной природы, но не признает этого.

Писатель открывает «чужую» цивилизацию, в первую очередь, посредством взаимодействия с природой – животным и растительным миром. В произведении раскрывается борьба за трофеи Э. Хемингуэя и его напарника Гарри. Гарри – менее опытный, но более удачливый соперник, и писатель завидует ему в тот момент, когда ему удастся подстрелить куду с огромными рогами. С одной стороны, Хемингуэй любит свои жертвы, а с другой, у него не видно ни жалости, ни сострадания к ним.

По мнению Э. Хемингуэя, любовь к африканскому животному заключается в том, чтобы убить с первого выстрела и не мучить его: «Я со спокойной душой убивал всяких зверей, если мне удавалось сделать это без промаха, сразу: ведь всем им предстояло умереть, а мое участие в «сезонных» убийствах, совершаемых каждый день охотниками, было лишь каплей в море» [7, с. 233].

Описывая процесс охоты, Э. Хемингуэй стремится показать свое превосходство над Африкой – над ее природой. Так, писатель ненавидит гиен и спокойно наблюдает за подстреленным животным: «гиена, раненная на бегу в заднюю часть туловища, начинала бешено кружиться, кусая и терзая собственное тело до тех пор, пока у нее не вываливались внутренности» [Там же, с. 145].

Таким образом, в повести «Зеленые холмы Африки» Э. Хемингуэй предстает как человек, который относится к Чёрному континенту с превосходством и стремится покорить его природу.

Спустя двадцать лет Э. Хемингуэй полностью меняет свое отношение к Африке. В то время он был удостоен чести стать инспектором по охране дичи, и убивает африканских животных только для снабжения лагеря мясом.

В документальном произведении «У подножия Килиманджаро» он пишет: «Время охоты ради трофеев давно для меня ушло. Мне по-прежнему нравилось стрелять и убивать с первого выстрела, но я охотился ради мяса, или чтобы подстраховать Мисс Мэри, а также на животных, объявленных вне закона, или ради так называемого контроля над животными-мародерами, хищниками и вредителями» [8, р. 288].

Писатель ведет размеренный образ жизни в лагере: «Я думал, как нам повезло в этот раз в Африке довольно долго жить на одном месте. Мы знали каждое отдельное животное, и каждую змеиную нору, и змей, живущих в них» [Ibid, р. 306]. Э. Хемингуэй с удовольствием наблюдает за природой (он ведет дневник, куда записывает все местные виды птиц), за обычаями и укладом местных жителей. В произведении «У подножия Килиманджаро» автор старается стать «своим человеком» в Африке. Местные племена далеки от цивилизации и ведут архаичный образ жизни. Писатель живет среди племени камба, что является своеобразным способом уйти от цивилизации и испытать единение с природой. У Э. Хемингуэя больше нет желания показать свое превосходство над Чёрным континентом, теперь он осознает себя его неотъемлемой частью.

Итак, сравнивая отношение писателя к Африке в повести «Зеленые холмы Африки» и документальном произведении «У подножия Килиманджаро», можно сделать вывод, что происходит изменение мировоззрения Э. Хемингуэя от эго- к эгоцентризму, от потребительского к созидательному отношению к природе и стремлению единения с ней. Писатель больше не пытается показать свое превосходство над Африкой, а осознает себя неотъемлемой ее частью.

Роману «Африканец» Ж.-М. Г. Леклезю предшествовал роман с автобиографическими чертами «Онитша» («Onitsha», 1991) – по названию города в Нигерии, где жил и работал Джеффри Аллен, отец главного героя, 12-летнего мальчика по имени Финтэн. В «Онитше» отчетливо просматриваются многие события из детства писателя, в том числе, его раннее увлечение литературой, далекие путешествия, разделенная семья.

Автобиографическое произведение «Африканец» двухплановое: детские воспоминания писателя о встрече с отцом после долгой разлуки, восприятие мальчиком Африки переплетаются с мотивами поиска родины, свободы, бегства, индивидуализма, национальной идентичности, протестом против колонизации и глобализации. Писатель утверждает, что Африка сформировала его характер, определила взгляды и убеждения. Пребывание в африканских странах сыграло определяющую роль в его жизни, поэтому он – «африканец».

На страницах книги Черный континент и 8-летний мальчик Жан-Мари представляют собой одно целое. Так, Жан-Мари открывает для себя отличную от европейской физическую красоту человека негроидной расы. Он восхищается типом лица африканцев: «подобное на затвердевшую кожаную маску, покрытую шрамами и обрядовыми знаками» [9, p. 10], и их кожей: «гладкой, горячей и легкой, покрытой миллионами волосков» [Ibid, p. 10]. В гиперболизированной форме автор описывает тело африканца: «Его бесстыдство – великолепно. Оно придает глубину, широту, умножает ощущения, оно создает настоящую энергетическую паутину вокруг меня... Это бесстыдство гармонирует со всей страной Ибо» [Ibid, p. 10–11].

Леклезю с любовью называет африканцев *un espace d'utilité* («энергетическим пространством») или *un jardin* («садом»), где каждый отдельный человек – это какое-то дерево: «фруктовое, манговое, земляничное, дынное» [Ibid, p. 15]. Даже чувство ненависти предстает различным в европейском и африканском понимании: «одно – тайное, притворное, глухое, наводящее ужас, подобное болезни, другое – открытое, настоящее, приводящее в дрожь все тело, подобное грозе» [Ibid, p. 16–17]. Особенность так называемой «европейской ненависти» Леклезю объясняет военными действиями во время Второй мировой войны на территории многих стран, в том числе и Франции, когда царили голод, страх и смерть.

Следует отметить, что писатель неоднократно возвращается в «Африканце» к этому чувству, например, развивая идею о разрушительной силе ненависти, подразумевая тем самым пагубное воздействие колониальной политики на естественный мир Африки. Это показательно в эпизоде, когда Жан-Мари вместе с братом разрушал муравейники, вызывая крайнее удивление и чувство неприязни африканских детей: «наши сердца бились, ненависть переливалась через край... Мы хватали камни, палки и мы били, били, мы рушили стены этих храмов, без какой-либо видимой причины, просто так, просто, чтобы радостно наблюдать за клубами пыли, слушать содрогание башен, видеть красные подземные ходы, подобные на вены, в которых кишела наша бледная жизнь, цвета перламутра» [9, p. 28].

Автор пишет, что в Африке его отец не раз сталкивается с «высшим обществом» в лице банкиров, торговцев, агентов, судей, полицейских, жандармов. Эти люди в поисках быстрого и легкого обогащения охотно устремлялись в Африку и устраивали в крупных портовых городах целые оазисы роскоши в виде мраморных дворцов с безупречными газонами и площадками для игры в гольф. Они бесстыдно эксплуатировали труд

чернокожих людей, зарабатывая на них крупные деньги. Отец Жана-Мари, подобно сартровскому герою, испытывает чувство тошноты по отношению к колониальному миру. И даже в сердцах восклицает, что африканцы не являются более дикими, чем европейцы. Огойя, Бабунго, Ником, Нигерия, Нги, Луаком Ндие, Онитша – это неполный ряд мест в Африке, куда судьба бросала отца Жана-Мари. Двадцать лет жизни отец Жана-Мари отдал спасению людей на этом жарком, населенном чужими ему народами, полном непредвиденной опасности континенте.

Воспоминания отца об Африке имеют положительные и отрицательные оттенки, связанные с безграничным счастьем после женитьбы и с трагической разлукой с семьей во время войны. «В течение 15 лет это была его страна. Не найдется человека, который бы чувствовал ее лучше, чем он... Именно здесь он провел самые счастливые годы своей жизни...» [Ibid, p. 80], – утверждает автор. Однако после начала военных действий и неудачной попытки воссоединиться с семьей Африка для отца романиста перестает быть воплощением свободы и радости.

Ж.-М. Г. Леклезю с горечью отмечает: «мой отец понял, что после всех лет теплых, дружеских, отеческих чувств к африканцам, они, оказывается, воспринимали его всего лишь как колониального врача, одного из завоевателей страны. Африканцы не делали различия между ним и, например, солдатом...» [Ibid, p. 84].

Отец писателя ужаснулся, обнаружив страх в глазах людей, когда они попадали в госпиталь. И тогда он делает вывод, что врач для них – не человек, который облегчает их страдания европейскими лекарствами, а иностранец, приносящий боль, отрезающий им пораженные гангреной различные части тела. По мнению местных жителей, единственное средство лечения колониальных медиков – это наводящий ужас скальпель. Автор не скупится на темные краски, описывая со скрупулезностью писателя-натуралиста болезненное состояние пациентов отца: «пылающие от лихорадки тела, пораженные раком внутренние органы, незаживающие раны на ногах, обезображенные слоновой болезнью..., лица, изъеденные проказой или сифилисом, женщины с разорванными органами из-за тяжелых родов..., дети со старческим лицами от вечного голода, с серой, как пергамент кожей, с рыжим, как ржавчина, цветом волос, с округленными от ужаса и предчувствия смерти глазами» [9, p. 87]. В итоге романист задается риторическим вопросом: «Насколько сильным духом человеком необходимо быть, чтобы продолжать жить после всего увиденного, чтобы пережить это?» [Ibid, p. 88]. На склоне лет отец писателя сделает вывод, что если бы ему пришлось начать жизнь сначала, он бы никогда не стал врачом, а предпочел бы быть ветеринаром, потому что животные, на его взгляд, единственные существа, способные выносить страдания.

Произведение Леклезю «Африканец» является своеобразным подведением итогов многолетних размышлений романиста о жизни, семейных взаимоотношениях, проблемах воспитания, о враждебно настроенной западной цивилизации к бывшим колониальным народам.

В заключение можно сделать вывод, что рассматриваемое изображение Африки в данном исследовании остается, прежде всего, Африкой Э. Хемингуэя и Африкой Ж.-М. Г. Леклезио. Оба автора показывают Африку многообразной и многосмысловой. Хотя их художественные произведения способствовали формированию образа Чёрного континента в воображении соотечественников, они больше рассказывают нам о самих авторах, об их мировоззрении, субъективных взглядах на Африку, чем о самой Африке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жид, А.* Собрание сочинений: в 7 т. / пер. с фр. А. Шадрина; Возвращение с озера Чад / пер. с фр. Н. Рыковой – М. : ТЕРРА. – Книжный клуб, 2002. – Т. 5: Путешествие в Конго. – 448 с.
2. *Хождение за три моря Афанасия Никитина.* – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 299 с.
3. *Илюкович, А. М.* Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе / А. М. Илюкович. – М. : Кн. палата, 1992. – С. 85.
4. Нобелевская премия [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hemingway.ru/hamin_nobel/. – Дата доступа: 20.09.2017.
5. *Lebel, A.-R.* L'Afrique occidentale dans la littérature française (thèse en lettres) / A.-R. Lebel. – Paris : Larose, 1925. – 279 p.
6. *Ляховская, Н. Д.* Образы Африки во французской литературе XIX–XX веков / Н. Д. Ляховская. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 280 с.
7. *Хемингуэй, Э.* Старик и море. Зеленые холмы Африки / Э. Хемингуэй. – М. : Изд-во АСТ, 2015. – 381 с.
8. *Hemingway, E.* Under Kilimanjaro / E. Hemingway; ed. by R.W. Lewis, R. F. Fleming. – Kent State University Press, 2005. – 456 p.
9. *Le Clézio, J.-M.G.* L'Africain / J.-M.G. Le Clézio. – Paris: Mercure de France, 2004. – 105 p.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРОДИЙ А. ЖВАЛЕВСКОГО, И. МЫТЬКО «ПОРРИ ГАТТЕР И КАМЕННЫЙ ФИЛОСОФ» И Д. ЕМЦА «ТАНЯ ГРОТТЕР И МАГИЧЕСКИЙ КОНТРАБАС»

А. И. Жишкевич

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

В статье сопоставляются и анализируются интертекстуальные особенности белорусской и российской пародий на роман Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» в лингвистическом аспекте. Выделяются следующие языковые уровни выражения интертекстуальности: уровень сложного синтаксического целого, собственно синтаксический уровень, лексический, графический, фонетический, морфемный.